

Глава 19-Падение Вниз

Недельный запас пайковых батончиков, два комплекта заточенных Кунаев, дюжина сюрикенов, канистра с водой, одеяло и кое-какая более тяжелая одежда.

Обито упаковал все необходимое в стандартный пакет шиноби и направился к двери дома своего сэнсэя, чтобы встретиться со своей командой у ворот Конохи. Однако он остановился на пороге и обернулся, чтобы заглянуть в тихую квартиру.

- ...Я ухожу, - пробормотал он, прекрасно понимая, что здесь никого нет. Покачав головой, он вышел за дверь, убедившись, что она полностью заперта, прежде чем отправить Шуншином к воротам.

Как только он приземлился, его встретил раздраженный взгляд Какаши.

-Ты опоздал,-проворчал седовласый Чунин, свирепо глядя на Учиху.

Обито смущенно почесал затылок. - Хех... Извини, наверное, я был так взволнован этой миссией прошлой ночью, что не мог заснуть, а потом проснулся поздно, и там был задержавшийся призрак, с которым мне пришлось попрощаться, чтобы успокоить дух.—"

-Ну-ну, давай не будем ссориться, - крикнул Минато с ослепительной улыбкой. -И никаких оправданий, Обито. В конце концов, мы пришли с одной стороны."

Мальчик с волосами цвета ворона несколько раз моргнул, прежде чем улыбнуться в ответ. Минато казался... нормальным. Возвращаясь к тому, каким он был обычно. Это было своего рода утешением для него.

- Ну что, сэнсэй, мы уже уходим?- Спросила Рин, поправляя рюкзак и приветственно улыбаясь обито.

Минато кивнул, глядя вверх на слегка окрашенные лучи света, пробивающиеся сквозь темную пелену раннего утра. "Да. Если мы успеем вовремя, то сможем добраться до Ю-но-Куни за три дня, может быть, даже за два."

Чунин подождал, пока Минато подойдет к ним и вручит каждому по маленькой пачке. - Охраняйте их. У них есть свитки, содержащие пайки, и они являются нашим приоритетом в этой миссии."

- Хай, сэнсэй."

Кивнув друг другу, они бросились прочь сквозь деревья.

Когда седьмая команда наконец приземлилась на ночь, Обито наблюдал за своими товарищами по команде с легким шоком.

И Рин, и Какаши демонстрировали разную степень истощения, и хотя Учиха делал постоянные усилия, чтобы выглядеть измотанным, а также ради внешнего вида... он почти не чувствовал себя опустошенным.

Это было то, что он действительно мог приписать только клеткам Сенджу, но даже он не смел надеяться, что его другие способности вернулись через его ублюдочный вид лечения—он не смог получить Мокутон, в конце концов, поэтому он не ожидал получить другие эффекты, которые он имел ранее. Без клеток Сенджу Обито точно знал, что он действительно был бы так же истощен, как и его товарищи по команде, поскольку его нынешнее тело не имело той выносливости, которая была у него в будущем. Оказалось, что клетки работали гораздо лучше, чем он надеялся ранее в дополнительных условиях; хотя он предпочел бы снова иметь Мокутон, он был не из тех, кто смотрит дареному коню в зубы. Его повышенная выносливость пригодилась бы против более старых и физически сильных людей, и это было то, что действительно имело большое значение.

- Еда готова, - прошебетала Рин, тыча палкой в шипящий костер. Молчаливые, если не сказать несколько сомнительные размышления обито были прерваны, когда ему вручили часть их улова.

Какаши вздохнул, когда брюнетка протянула ему кроличью ножку. "Спасибо."

- А теперь наслаждайтесь, вы трое, - небрежно прокомментировал Минато, беря свою порцию и слегка дую на приготовленное мясо. - Скорее всего, завтра мы останемся на пайках."

Три Чунина кивнули, понимая, что это означает. Скорее всего, завтра они пересекут границу, разделяющую Хай-но-Куни и Ю-но-Куни. Находясь так близко к Каминари-но-Куни, они не могли рисковать, используя даже самый маленький из костров, чтобы приготовить любую пойманную пищу, если только они не хотели рискнуть превратить миссию из простого с-ранга в Б или, возможно, а-ранг. В они, вероятно, могли бы справиться с присутствием Минато, но а-ранг будет растягивать его—блондинка должна быть осторожна не только в защите своих учеников, но и в борьбе с врагами. Не говоря уже о том, что они не могли развернуться и отправиться домой только из-за внезапной смены ранга, потому что эта миссия имела огромное значение, несмотря на свой уровень. Без пайков, которыми располагала Седьмая группа, форпост на севере мог легко пасть, оставив их страну открытой для нападения со стороны Кумо.

Обито откусил кусок от своей порции и медленно жевал, наблюдая, как последние остатки солнечного света исчезают за горизонтом. Он не мог не чувствовать, что что-то идет не так, но это, вероятно, можно было объяснить тем фактом, что он был довольно параноиком в отношении всей перспективы войны. В конце концов, это была война—та самая, в которой он "умер" и потерял Рин в первый раз. Учитывая все, что он изменил, никто не мог сказать, как пройдет эта беспрецедентная миссия.

Хотя рациональная сторона его разума была непреклонна, что он просто нервничает и, если что-то случится, он действительно достаточно силен, чтобы защитить всех... он не мог полностью отвести взгляд от этой возможности. Он должен был быть осторожен, иначе он или его команда закончили бы с нежелательными последствиями.

"... Тьфу.- Обито скорчил гримасу, жуя мучнистый, безвкусный кирпич паек-бара. На вкус это было все равно, что откусить кусочек от слишком большого мультивитамина... черт, наверное, это и есть батончик с рационом.

Питательные вещества-да. Спасая жизнь, в большинстве случаев да. Но если и было что-то, чему Обито действительно радовался, когда он стал пропавшим без вести, так это то, что таблетки чакры и настоящая еда заменили необходимость в пайковых батончиках, которые в любом случае поставлялись только из скрытых деревень. В любом случае он не мог бы их получить (да и вообще никогда бы не получил), учитывая, что он был пропавшим без вести.

Был уже полдень второго дня их путешествия, и они добрались до Ю-но-Куни. Они находились как раз к юго-западу от аванпоста Коноха, самое большое в нескольких часах езды на большой скорости, и уже сели перекусить. Несмотря на то, что они доберутся до аванпоста за три часа, это было только в том случае, если они использовали чакру для увеличения своей скорости и путешествовали через деревья—если, по какой-то неудаче, они встретят некоторых Кумо Шиноби по пути, они будут далеко не в лучшей форме для битвы. "Последние рывки" не считались мудрыми, особенно в военное время. Когда у них действительно было время, то это было очень важно-все для того, чтобы сберечь энергию и всегда быть готовыми к тому, что ситуация может повернуться к худшему.

- ...Но человек. Это дерьмо просто отвратительно", - с отвращением подумал ворон. Он никогда не мог приспособить свою палитру к безвкусным вещам, известным как "батончики рациона", если это не было достаточно очевидно.

Рин хихикнула, и даже Какаши и Минато выглядели удивленными, когда Учиха скривил губы. - Скверный вкус, Обито?"

Какаши, который прикончил свой паек еще до того, как кто-то успел увидеть его лицо (не то чтобы они были против, все они уже привыкли к этому), пожал плечами. -Я не понимаю, в чем проблема. Это не похоже на то, что он горький или что-то в этом роде."

-Я думаю, что это было бы вкуснее, если бы это было так, - прокомментировал Обито, вполголоса глядя на невинный батончик с пайками. -По крайней мере, тогда у него будет хоть какой-то вкус. У меня такой вкус, будто я ем смесь камней ивы и песка Суны. Это не еда, это долбаный конгломерат."

- ...Я думаю, что должен согласиться, - нахмурившись, вставил Минато. Он медленно жевал свой батончик, уставившись в землю перед собой. -Мне так и не удалось привыкнуть к ним, но это необходимо. Вкус ведет к запаху, и любые следы настоящей еды были бы доказательством для следопытов. Мы просто должны быть благодарны за то, что нам не придется жить на них в

течение всей войны, как Шиноби на аванпосте."

Этот комментарий вызвал у Чунина трижды судорожные вздохи. Шиноби на аванпосте ... часто, для высокоуровневых Чунин, Токубецу и Дзенин, их время, проведенное на аванпостах во время войны, варьировалось от пары месяцев до пары лет. Даже тогда, в конце срока службы—если только они не были серьезно ранены—их отправляли на другой аванпост, возможно, с меньшей боевой активностью, если они были только слегка ранены, или с еще большей активностью, если они были особенно искусны. Это не было похоже на то, что они всегда ели батончики рациона, но сгущенные кирпичи обычно составляли половину их еды.

Рин вздохнула, глядя на свой собственный кусок питательного кирпича. -Чего бы я только не отдал за то, чтобы Кушина-Сан хоть немного готовила прямо сейчас.—"

Минато и Обито одновременно напряглись, почувствовав одно и то же волнение—внезапный сдвиг в воздухе. Блондин потянулся к Рин, в то время как Учиха потянулся к Какаши и их рюкзакам, содержащим пайки, как раз в тот момент, когда дождь кунаи приземлился там, где четверо ранее сидели.

- Хм, не такой уж зеленый, как мы думали, - снисходительно отозвался женский голос. Пятеро Шиноби-Кумо, конечно же - спрыгнули с деревьев напротив седьмой команды, оценивая ситуацию. Трое впереди были явно на уровне Джонин, и женщина из прошлого была одной из них. Все они были одеты в стандартную белую броню Кумо и имели различные оттенки кожи и волос. Позади них стояли два Чунина, возможно, Токубецу Дзенин выравнивал Шиноби, оба с видом нервной, но решительной сосредоточенности вокруг них.

Минато машинально шагнул вперед своей команды, уже протягивая руку к своему кунаю.

-Ну-ну, блондин, так быстро достаешь оружие?- Женщина говорила небрежно, с ухмылкой на губах.

-Не подходите, - прошептал Минато трем Чунинам позади него, прежде чем снова повернуться к команде Кумо Шиноби. -Именно вы начали военные действия. Можно было бы подумать, что я вполне вправе отомстить."

-Если бы ты был мертв, это не имело бы никакого значения,-сказал один из других Джонинов, светловолосый, темнокожий мужчина. Он окинул команду Конохи ленивым, но пронизательным взглядом. - Дай нам паек, и нам не придется тебя убивать."

Минато молчал, глядя на вражеского Шиноби, а третий Джонин, светлокожий мужчина с каштановыми волосами, раздраженно вздохнул. - Черт побери, Араи, мы уже говорили тебе, что парфе-это полный отстой, так что оставь его нам."

- Ты имеешь в виду переговоры."

Рыжеволосый Шиноби бросил на женщину быстрый взгляд, прежде чем снова повернуться к Шиноби Конохи. - Как бы то ни было, ты прекрасно понял, что я имею в виду. В любом случае, блондин, отдай мне свой паек, если не хочешь умереть."

Кунай со свистом пронесся мимо его щеки, оставив на ней небольшой порез в виде линии роста волос. Хотя они напряглись, Кумо Шиноби расслабился, увидев промах. -... Какого черта? Это был настоящий бабский бросок прямо здесь, й'КН—"

Он не успел закончить свое заявление, как Минато внезапно оказался позади него, быстро протащив свой извлеченный трехзубый Кунай по шее рыжеволосого мужчины, перерезав ему горло быстрым и отработанным движением. Он упал на землю, издав булькающий звук, похожий на захлебывающийся крик, и его глаза закатились к затылку. Момент удивления, который последовал за этим, быстро прошел, когда ярость охватила черты оставшихся четырех Кумо шиноби, и пятеро вступили в битву скорости и силы.

Минато был явно самым быстрым, умудряясь легко проскочить мимо любого близкого контакта с врагами, отклоняя каждую атаку, тайно следя за своими учениками, которые стояли в стороне. В то время как Кумо Шиноби растрачивали свои ресурсы, бросая Кунай за кунаем и мечась вокруг с избытком чакры в попытках сокрушить блондинку, он держал свои резервы на стабильном уровне и все еще должен был принести другое оружие, кроме хирайшин Кунай, который он впервые вытащил.

Обито посмотрел на Рин и Какаши, первый из которых широко раскрытыми глазами смотрел на битву и слегка дрожал, а второй явно нервничал, но был настроен решительно. Учиha наблюдал, как рука Какаши потянулась к рукояти танто на его спине, когда он тяжело сглотнул через маску, как будто пытаясь подавить свою нервозность этим действием.

- Остановись, - прошептал Обито, положив руку на плечо Хатаке. И Рин, и Какаши повернулись к нему нерешительно, медленно, чтобы не привлекать к себе внимания.

- ...Минато-сенсею понадобится помощь, - стойчески ответил седовласый Чунин, сжимая в руке оружие. -Мы не можем просто стоять здесь."

-И что же, по-твоему, ты сможешь сделать? Минато-сэнсэй намного быстрее противника и является тем, кто одерживает верх. Если мы привлечем к себе внимание, если они придут за нами, - подчеркнул Обито, прищурившись, - тогда у него будут проблемы. В данный момент мы-его слабость, и самое лучшее, что ты можешь сделать, это остаться в стороне и позволить Минато-сенсею разобраться с этим."

Какаши сжал его еще крепче, и Обито увидел, как мальчик скрежещет зубами, размышляя. Рин смотрела на них обоих с паникой в глазах. Наконец, после нескольких мгновений напряженного молчания, когда они стояли рядом, хватка седовласого Чунина ослабла, и обито вздохнул с тихим облегчением—пока не услышал следующие слова Какаши. - ...Мы не можем допустить, чтобы с Минато-сенсеем что-то случилось."

Все произошло в один миг.

Один из Чунинов, вступивших в схватку с Минато, метнул шальной Кунай, направляясь прямо к Рин. Какаши прыгнул навстречу сражению, в котором был поглощен его сэнсэй, не заметив, как брюнетка попыталась остановить его. И шестой Кумо Шиноби, несомненно Джонин, выскочил из кустов позади них.

Обито видел все это в замедленной съемке, Кунай направлялся прямо к голове Рин, незамеченный ею, поскольку ее внимание все еще было приковано к Какаши, чье внимание было приковано к их сенсею. Четвертый Кумо Джонин, направляясь прямо к Какаши и Рин с Близнецом вакидзаси в руках, целился им в шею. В двух метрах от него. Один метр.

Он среагировал.

Звук лязгающего металла, угрозы смерти и шуршание листьев немедленно прекратились, когда оглушительный, болезненный, животный крик разорвал воздух.

Все, включая Рин и Какаши, которые теперь широко раскрыли глаза от внезапного осознания очень реальной угрозы, которая почти убила их, повернулись к земле позади двух Коноха Чунин—и увидели тело, сгорбленное, живое, с кунаем в горле, но живое—

- и не хватает его ног.

- Китай!- Закричал один из Кумо Чунин, тут же повернувшись к Обито с яростью в глазах. -Ты ... "

Он был внезапно прерван. Мангэке Обито продолжал кружиться в гневном красном свете, когда он уставился на Чунина, и заставил дурака замолчать, сузив глаза. Тело упало окровавленной, неподвижной кучей на землю, если не считать нескольких автоматических подергиваний, заметно потеряв голову.

Всего лишь бесполезный мешок окровавленной плоти.

На мгновение воцарилась непонимающая тишина, когда Кумо Шиноби уставился широко раскрытыми глазами на двух своих павших товарищей, один из которых был мертв, а другой все еще издавал тихие хлюпающие рыдания, когда он сгребал свое быстро кровоточащее горло и безногие обрубки. Мгновение прошло, когда они снова повернулись к обито, бросаясь на него с новой силой гнева, полной ненависти, их предыдущая цель была давно забыта. Однако оставшийся Чунин был немного более последовательным, поскольку вместо этого он пошел на Рин и Какаши, как и безногий Джонин, полагая, что они являются слабыми звеньями их команды.

Обито хлопнул ладонью по земле и пробормотал бесцветным голосом: "Учиха Кэндзин."

Возникший огненный барьер заставил Какаши и Рин отпрянуть назад, когда они с нескрываемым ужасом наблюдали, как вражеские Шиноби были сожжены на их глазах. Цилиндрический огненный барьер ревел над испуганными, болезненными криками Кумо Шиноби-когда—то Кумо Шиноби-когда они превратились в ничто, кроме сожженного угля и пепла, наполненных запахом сильно засохшей крови и сгоревшей плоти.

Техника исчезла с тихим шипением, когда Обито отключил свою чакру, и он уставился вниз на теперь уже безжизненные тела—вернее, на то, что от них осталось. Даже чудо без ног превратилось всего лишь в потемневший сгусток человеческой материи, оказавшийся в зоне действия гнева техники барьера.

Лицо Учихи было пустым. Но что-то ... что-то внутри него не могло смотреть на его работу с полной сдержанностью.

- ...Почему?- Он не мог удержаться от удивления, его пустые глаза опровергали смятение, которое он чувствовал. Замешательство, которое он испытал, потому что что-то, чего он не учел, всплыло в глубине его сознания, когда он хладнокровно убил этих людей.

Чувство вины. Боль.

Но ... Почему?

Это не имело никакого смысла, это было совершенно безосновательно. Обито убивал и раньше, убивал самым худшим из возможных способов. Эти люди собирались убить тех, кто был ему дорог, так почему же, почему он чувствовал себя виноватым?

Его брови слегка нахмурились в испуге. Возможно... в другом будущем, эти люди были частью последователей Наруто, частью драгоценных людей, с которыми подружилось светловолосое дитя пророчества, некоторые из тех, кто сражался вместе с Наруто в их попытках остановить обито и Мадару.

Обито никогда не обращал особого внимания на такие мелочи, как эта, думая о том, что если бы и какое будущее могло быть у тех, кого он убил. В конце концов, какой в этом смысл? Это не стоило того, чтобы размышлять о жизни людей, которые были мертвы, людей, у которых никогда не будет никакой жизни, потому что они были заняты тем, что были мертвы.

Возможно, это было потому, что он действительно был из будущего, и как таковой знал будущее до некоторой степени, имел предварительное предвидение, чтобы сослаться на него.

... Или, возможно, это было потому, что Наруто был бы разочарован.

Разочарован в Обито. Наруто буквально вбил свои идеалы в Учиху, сказал ему точно, что он думает о своей глупой мечте о ложном, "совершенном" мире, и... потянулся к нему. Она с

силой вывела его из темноты, заставила принять правду. И впервые за почти двадцать лет... Обито увидел это.

Учиха Обито. Он должен был умереть, но этого не произошло—вместо этого его отбросили в прошлое. Сначала он боролся с этим, но в конце концов принял эту идею и решил воспользоваться сомнительным шансом на спасение. Он ... он решил, что не должен быть таким же хладнокровным убийцей, как Тоби.—Так оно и должно было быть—теперь у него действительно была совесть, и это заставило его почувствовать странное чувство сопереживания тем самым людям, которые угрожали его команде, тем самым людям, которых он только что убил. Он хладнокровно убил их и только сейчас осознал это...

... Но разве он не был готов сделать именно это, когда думал о Данзо и Орочимару?

- Он замер.

Он не знал когда, но в какой—то момент—что-то, что заставило его измениться, сам того не осознавая—его приоритеты поменялись местами. Конечно, оба они совершили ужасные преступления и проступки из того, что он помнил—некоторые из них, скорее всего, еще даже не случились, предательский голос окликнул его в глубине сознания, когда он вспомнил беспокойство, которое он чувствовал, когда рыскал по лаборатории Орочимару,—и он сначала хотел убить Данзо и Орочимару из-за угроз, которые они представляли для его близких... но даже тогда он спокойно думал, обсуждая все за и против, рассматривая возможные последствия их смерти. Другие возможности, другие пути, которыми он мог бы воспользоваться.

И все же в какой-то момент его мотивы изменились с "Потому что они могут представлять потенциальную угрозу для моего драгоценного народа" на "из-за угроз, которые они представляют для меня, потому что они бесполезны для меня".'

Обито посмотрел на свои руки, маленькие, молодые, но мозолистые и твердые. Его не было видно, но он чувствовал кровь на своих руках, теплую, наполненную жизнью жидкость, означающую, что он забрал еще больше жизней в слепой ярости.

Он потерял самого себя. Снова.

Чья-то рука опустилась ему на плечо, отвлекая от самоуничижительных мыслей. Он посмотрел на Минато, чей взгляд был прикован к земле, где лежал обгоревший труп человека. Краем глаза он видел и Рин, и Какаши, которые явно не решались подойти поближе; испуганные, но ... встревоженные. И эта мысль немного ослабила напряжение, которое он чувствовал.

Он снова вернулся к нанесенному им ущербу, к останкам убитых им людей.

Убийство было... это была какая-то часть его самого. Даже сейчас, хотя он, несомненно, чувствовал вину и боль за то, что отнял еще больше жизней, это не было нормальным

чувством—это было почти то же самое чувство, которое возникает, когда ищешь одобрения, надеешься на принятие. Но он не мог уступить этому чувству. Он не мог не убивать.

... Но он также не мог игнорировать отнятые им жизни. Он не был уверен, что сможет стать таким человеком, каким был его сэнсэй, но ... несмотря ни на что, он не мог вернуться в тот эгоистичный, эгоистичный круговорот, в котором когда-то был. Он не мог пренебречь жизнью, потому что если бы он начал снова, она бы не остановилась. Он ничем не будет отличаться от того, каким был раньше.

Если он во второй раз пренебрежет жизнями Минато, Кушины, Какаши, Рин и всех остальных... он был более чем уверен, что никогда не сможет простить себя.

Но он все равно должен был убивать.

Он должен был убить, чтобы Минато не пришлось этого делать. Чтобы Рин не пришлось этого делать. Чтобы Какаши не пришлось этого делать, чтобы Наруто не пришлось этого делать. К сожалению, все они жили жизнью шиноби, и поэтому полностью запретить им убивать было невозможно—но он мог хотя бы попытаться уменьшить вес убитых с их плеч. Он убьет так, чтобы его близким не пришлось этого делать.

Учиха Обито, независимо от того, какой фасад он выставил, все еще был частью тьмы. Нет, он был тьмой и жил ею последние два десятилетия своей жизни. Как таковой, это только имело смысл, что он обработал более сомнительные задачи, что он был буквальной тень свет его деревни, в витой аналогии подобно "Уорхок" по. Неважно, если он должен был быть "злом", пока он все еще имел его приоритеты в узде.

Моргая, он посмотрел на своего сэнсэя и его все еще колеблющихся товарищей по команде, и в его ониксовых глазах зажегся огонек решимости.

И он сделает это. Потому что если это означало, что люди, о которых он заботился, были живы и в безопасности...

- Он сделает все, что угодно.

"Я думаю, что у вас есть некоторые вещи, чтобы объяснить нам, попыталась передать."

Обратившийся к нему Учиха вздохнул, ожидая этого. Он и его команда уже устроились в своем лагере, возвращая свои испорченные вещи (и, к счастью, все еще оставаясь тактическими пайками для аванпоста), когда все трое других членов команды номер семь повернулись к нему с различными взглядами беспокойства и серьезности.

- ...Эм, Обито, ты ... - он повернулся к Рин, которая слегка ерзала на своем месте. -... Ты... в порядке? Это было твое первое убийство, верно?.."

Обито моргнул. '... О. Ну да, - с некоторой иронией подумал Обито. Он подумал, не следует ли ему вести себя так, будто он травмирован, как, вероятно, и следовало ожидать... но после недолгого раздумья решил не делать этого. Если бы речь шла о том, чтобы сохранить свою тайну и сохранить счастье своей семьи, он мог бы честно сказать, что предпочел бы последнее.

Он одарил их ободряющей, хотя и слегка натянутой улыбкой. -Я Учиха Обито! Конечно, я хороший парень, правда. Не беспокойся.- Его улыбка дрогнула от неуверенных взглядов, которые он получил от Какаши и Рин, и он серьезно посмотрел на них. "Остановить его. Именно они напали первыми. Было бы гораздо хуже, если бы кто-то из вас погиб. Но это не так, и я не могу быть счастливее."

Они молчали, пока двое других Чунинов смотрели на свои колени. Обито почти не сомневался, что они обдумывают и переоценивают своего третьего товарища по команде. К чему именно, он не совсем понимал, но был уверен, что не хочет этого знать.

Какаши внезапно поднял голову, на его лице застыло непроницаемое выражение, а руки сжались в кулаки. -... Ты был слишком мягок со мной."

Несколько озадаченный внезапной сменой темы разговора, обито склонил голову набок в насмешливом недоумении.

-Ты был слишком мягок со мной, - повторил Какаши, слегка зарывав, и его глаза сузились. -Ты никогда не использовал эти приемы ни в одном из наших лонжеронов или имитационных боев."

Обито мысленно вздохнул, легко заметив обиду и боль в глазах своего товарища по команде. Для Какаши его способности и мастерство были единственными вещами, которые удерживали его на земле—и тот факт, что Обито принижал его, не только заставил его чувствовать себя оскорбленным, но и предал тот факт, что его товарищ по команде скрывал от него. Он не мог точно солгать, но ... ..

-Ты что-то неправильно истолковываешь, Бакаши, - небрежно сказал мальчик с волосами цвета воронова крыла, поднимая руку и постукивая себя по уголку глаза. -Кто-нибудь из вас помнит, как недавно у меня из глаз текла кровь?"

Это вызвало явную дрожь у Рин, и плечи Какаши незаметно напряглись. Минато никак на это не отреагировал. -Я принимаю это как согласие. Видите ли, уровень Шарингана, которого я могу достичь,—он называется Мангэке—это причина, по которой я смог использовать эти методы раньше.- Это полуправда; она применима только к Камуи, но им не нужно было этого знать.

-Так что да, вы были правы, я сдерживал вас, - заявил он, игнорируя вздрогнувшего Какаши, - но это также и для меня. Мои глаза, будучи сильными, могут сделать меня слепым после стольких применений. Это компромисс; для временной и великой силы я несколько теряю зрение каждый раз, когда использую ее.- Он горько улыбнулся, увидев шокированные взгляды своих товарищей по команде. -Это проклятие Учихи, когда они активируют этот уровень, что

бывает очень и очень редко. Моя итерация, в частности, я полагаю, особенно ухудшает мое зрение—это чертовски больно.- И это было достаточно правдиво; хотя он знал, что и Итачи, и Саске страдают, что-то подсказывало ему, что их активация Мангэке не была такой болезненной, как у него. Либо так, либо они были просто невыносимо стоическими уродами Учиха... что, честно говоря, тоже было правдой.

Конечно, на этот раз его глаза не кровоточили из-за клеток Сенджу, но если они не спрашивали... Ну, не было необходимости поднимать эту маленькую деталь.

-Тогда что же это было? Как ты... - Рин нахмурилась. -... Это был ты, не так ли? То, как у одного Кумо Шиноби ноги... голова..."

Она замолчала, и Обито, видя ее смятение, дал ей передышку. -Да, - сказал он небрежно, возможно даже слишком небрежно, потому что его товарищи по команде смотрели на него странными взглядами. -Это была особая способность моего Мангэке, называемая "Камуи". Каждый штамм Мангэке имеет свою версию в зависимости от пользователя, другую технику, которая сопровождает его, Хотя я думаю, что основная ветвь обычно имеет... - его брови нахмурились, прежде чем он покачал головой, понимая, что отвлекся. - В любом случае, для тех, кто активирует этот уровень Шарингана, они получают различную технику для каждого глаза. У моих глаз есть две разновидности Камуи, которые могут изменять пространство. Один требует физического контакта, а другой нет—вот как я отрезал ноги Кумо Шиноби."

"... Ждать. Все внимание было обращено на Минато, в глазах которого появился расчетливый блеск. -... В каждом глазу есть одна сила... и вы сказали, что используете две итерации этого "Камуи"? Обито слегка поморщился, но кивнул, прекрасно понимая, к чему клонит его сэнсэй. -А как насчет черного пламени?"

Какаши напрягся, когда Рин ахнула, широко раскрыв глаза. Обито покачал головой. -Это ... вообще-то именно та техника, которую я намеревался использовать. Но, похоже, я больше не могу им пользоваться."

-А ты знаешь, почему?"

Обито никак не мог понять, почему у него больше нет этого оружия, потому что ему вообще не полагалось его иметь. Скорее, истинный вопрос заключался в том, зачем ему вообще это понадобилось.

По правде говоря, он давно верил, что Аматаэрасу-это оригинальная техника Мангэке Шарингана, и с годами она разветвлялась, открывая другие техники, такие как Котоамацуками Шисуи и Камуи обито. Причина этого убеждения заключалась в том, что в приступе любопытства перед смертью Мадары он спросил об этом старейшину и подтвердил, что его глаза изначально принадлежали Аматаэрасу. Он начал задаваться вопросом, было ли Черное пламя техникой происхождения, происходящей из века назад (Мадара никогда не отвечал на эти вопросы, к сожалению), и когда он увидел, что Итачи и Саске получили Аматаэрасу, он начал верить, что это действительно была оригинальная техника Мангэке.

- Он нахмурился.

... Но опять же, это не имело никакого смысла. Даже если его теория никогда не будет доказана по-настоящему, пока он снова не встанет на сторону Мадары, он точно знал, что у каждого глаза есть только одна техника. В то время, когда он впервые прибыл в прошлое, он был слишком... занят другими вещами, чтобы осознать это. У него было три техники, определенные для Мангэке, три. И в этом не было никакого смысла. В конце концов, у него ведь не было третьего глаза, как у Кагуи—

Он хлопнул себя ладонью по лбу, внезапно очень, очень встревожившись. Остальные члены седьмой команды выглядели одновременно обеспокоенными и растерянными.

Его мысли слились с бешено бьющимся сердцем—а что, если именно он был причиной странного появления Кюби в другом месте, о котором он никогда не думал? Что, если на этот раз он каким-то образом стал... сосудом Кагуи? Жертвоприношение? Вместо Мадары?

Внезапно обито покачал головой и убрал руку со лба. Он ... он вел себя глупо. Все это были беспочвенные, мимолетные домыслы его усталого ума—конечно, концепция путешествия во времени требовала открытого разума, но в данный момент его разум был слишком открыт—и его воображение убегало вместе с ними. Кюби проверил, что женщина была запечатана, и насколько обито знал... он не был Кагуя. Или укрывает ее. Или еще что-нибудь. Он был уверен, что ведьма не вцепилась в него своими когтями, он все еще был Учихой обито.

Но все же это не объясняло, почему он мог использовать Аматаэрасу, технику, которой у него не должно было быть в то время, и не мог использовать ее сейчас—

- Он помолчал, моргая.

- Может быть, так оно и было. Это было в то время. На этот раз он не мог им воспользоваться, хотя на самом деле собирался это сделать. Так что, скорее всего, это означало, что Аматаэрасу сейчас у него нет... но почему он был раньше? Может быть, это связано с тем, что он только что очнулся от своего путешествия в прошлое?..

Обито мысленно выругался. Он должен был проверить свой Шаринган, как только приехал. Возможно, это было какое-то вмешательство в чакру мудреца, которое все еще было заметно в его физическом теле до того, как он был застрелен в прошлом. Может быть, он каким-то образом сделал что-то... заставив его Шаринган получить усиленные способности, получить Аматаэрасу...?

Ладно, это просто звучало безумно, нелепо-несмотря на его статус путешественника во времени.

- Обито?"

Он снова моргнул, понимая, что его команда смотрит на него, и Какаши, в частности, выглядел довольно раздраженным.

Он понял, что думать об этом было не совсем благоразумно. Ни сейчас, ни позже тоже. Были и более важные дела, и до тех пор, пока его странный случай с временным Аматерасу не повлиял каким-то образом на его близких, были и другие вещи, на которые он мог тратить свое время.

Минато вздохнул и пренебрежительно махнул рукой. -Полагаю, что нет, но, полагаю, этого и следовало ожидать.- Его глаза блеснули чем-то нечитаемым, когда он посмотрел на Учиху. "Я на самом деле любопытно, как вы даже знали, что это много, попыталась передать."

На мгновение обито только нахмурил брови в замешательстве.

Затем его осенило, и он широко раскрыл глаза, мысленно ругаясь.

Он не должен был знать так много, особенно будучи паршивой овцой своего клана. Активация его Шарингана на третьей стадии была уже натяжкой, но ее можно было объяснить странным и напряженным случаем. В конце концов, тогда он еще не высказал своих знаний о додзюцу своего клана—но это, якобы скрытое и неизвестное его глазам качество, он знал.

... Но разве он не мог сказать, что Фугаку рассказал ему? Разве он не мог сказать, что ему, скажем, дали доступ в библиотеку клана или что-то в этом роде—

Его лихорадочные мысли внезапно прекратились, когда взгляд Минато отвел глаза и сосредоточился на севере. - Полагаю, это не имеет значения. Давайте двигаться дальше, так как мы все еще бодрствуем; нам нужно доставить эти пайки как можно скорее.- Он снова повернулся к команде семь с холодным взглядом. -Никто не знает, есть ли еще Кумо Шиноби в этом районе, и мы не должны рисковать. Нам нужно спешить на заставу, сейчас же."

Внутренне благодарный, но смущенный, обито кивнул вместе со своими товарищами по команде.

Разговор закончился.

Доставка была завершена без каких-либо проблем. Команда номер семь добралась до аванпоста, доставила провизию и после нескольких сердечных приветствий и прощаний—охранники довольно настойчиво требовали, чтобы они остались на ночь, но Минато также был довольно непреклонен, чтобы они немедленно ушли, по какой—то причине, несмотря на то, что Какаши и Рин были явно истощены-они ушли.

Через четыре часа после их возвращения в Коноху блондинка внезапно остановилась на поляне и поставила свой рюкзак на землю.

-М-Минато-сенсей?- Задыхаясь, вопросительно позвала Рин. Что-то похожее на облегчение мелькнуло в ее глазах, и в глазах Какаши тоже. -Мы остановимся здесь на ночь?"

Блондинка коротко кивнула, не отрывая глаз от рюкзака, когда он сел. "Да. Вам троим нужно отдохнуть, а завтра на рассвете мы проснемся и продолжим наше возвращение.- Он быстро повернулся к ним. -Я возьму первую смену, пока ты будешь отдыхать."

Все трое молча согласились. Возможно, обито и задался бы вопросом, почему они просто не остались на заставе, но что—то подсказывало ему, что это было не особенно мудро-особенно учитывая, что холодное поведение, которое беспокоило его, вернулось к его сэнсэю.

Какаши и Рин тоже это заметили, потому что оба посмотрели друг на друга и на обито с едва скрываемым беспокойством в глазах. Рин даже попросила осмотреть Минато, чтобы убедиться, что он не ранен—а он, конечно же, не был слишком силен для того, чтобы ранний Кумо Шиноби действительно причинил ему вред—и вздохнула с облегчением, но в то же время смущенно, устраиваясь в своем импровизированном спальном мешке.

Вскоре после этого обито и Какаши последовали ее примеру, устроившись на своих собственных местах, чтобы погрузиться в неудобный сон. Последнее, что запомнил обито, когда его веки тяжело опустились, был холодный профиль его сэнсэя, когда тот смотрел на Луну. На его лице появилась болезненная, едва скрываемая гримаса.

-Может быть, Минато-сенсей действительно был ранен?..'

И он заснул.

Давление.

Обито не слишком осторожно пошевелился, почувствовав странную, угрожающую тяжесть на своем животе,и его веки распахнулись.

Увидев фигуру в плаще, он бросил быстрый взгляд в сторону-Рин и Какаши все еще спали, а потом сказал:—

"Вот дерьмо", - сердито подумал он, увидев прислонившуюся к дереву фигуру своего сэнсэя. Он не знал как, но кто бы ни был этот враг, он подчинил себе их сэнсэя.

Он оттолкнулся коленом от диафрагмы и откатился в сторону, увернувшись от руки, которая потянулась к его горлу. Мужчина, отметил он, и быстрый, судя по его быстрым и решительным движениям. Глаза обито снова метнулись к его команде, и, увидев их невредимыми, он принял решение.

Кем бы ни был этот человек, его внимание, казалось, было сосредоточено на обито.

И он побежал.

В глубине души он надеялся, что его предположение было верным—этот человек действительно преследовал его. Он также задавался такими вопросами, как: "почему?" и "по какой причине?". Его мысли ненадолго вернулись к Орочимару, но он все еще был уверен, что Саннин не догадался о его личности. Затем он подумал о Данзо, но даже если он не чувствовал эмоций от человека, с которым столкнулся, они были сдержаны—они все еще были там, но скрыты, так что он не мог их почувствовать.

Он тихо вздохнул с облегчением, когда почувствовал приближение скрытой чакрой подписи своего противника. Он уже некоторое время играл в отвлекающий маневр, и что-то подсказывало ему, что это будет не в последний раз.

Когда они были в двадцати минутах езды от его команды—они были в безопасности, подумал он с некоторым облегчением и удовлетворением—он повернулся и выпустил волну мощного убийственного намерения.

Человек в плаще слегка споткнулся, но не прошло и секунды, как он пришел в себя, заставив обито слегка ухмыльнуться. - Совсем неплохо.'

В его сторону полетел целый залп сюрикенов и Кунаев, и хотя он увернулся от нескольких, его глаза покраснели, и он поймал один из них, чтобы осмотреть его. К его презрению, это был стандартный выпуск кунаи—он не мог сказать, из какой деревни он был, а это означало, что человек перед ним все еще оставался загадкой.

Решив, что терять уже нечего, он открыл рот, чтобы спросить, но тут же уклонился от удара. - А ты кто такой?"

Фигура не ответила. Вместо этого он направил кулак в диафрагму обито, издав тихий звук удивления, когда его кулак прошел сквозь него. Ухмылка попыталась передать вырост вредоносных. - Хорошая попытка."

Он поднял руку, изображая тигра-тюленя. "Катон: Бакуфу Ранбу."

Его противник отпрянул назад, отскочив чуть в сторону от кружащегося огня. Однако она последовала за ним, и ткань его плаща была полностью опалена. Не достаточно, чтобы полностью раскрыть человека, но, возможно, еще одна атака...

Обито дернулся, когда человек внезапно оказался позади него—он даже не заметил мерцания чакры, необходимого для Шуншина—и только успел развернуться и заблокировать удар сверху вниз, направленный ему в голову.

Он издал негромкое "ух", когда его спина на секунду коснулась земли, и, к своему презрению,

обнаружил, что пригвожден к Земле. Он мысленно вздохнул; он не воспринимал своего противника так серьезно, как, вероятно, должен был бы.

Тем не менее, зная, что он может выйти из затруднительного положения с предельной легкостью, обито вызывающе улыбнулся. -Так могу я хотя бы узнать, кто Мой убийца?"

Его противник выпустил тщательно сдерживаемую чакру, и у обито была одна секунда—одна секунда, чтобы моргнуть, подумать, что это невозможно, почувствовать, как пересохло во рту, как сердце забилось быстрее от внезапной нервозности, тревоги, страха—

Плащ мужчины бесполезно развевался в стороны, и Оникс соединился с лазурью. Холодная, стальная, окаменевшая лазурь.

Обито сглотнул и вдруг с ужасом осознал, что трехзубый Кунай крепко прижат к его яремной вене.

Он моргнул, заметив золотистые пряди непослушных волос, лишь слегка освещенные скудным лунным светом. Его сердце упало к ногам, когда он услышал болезненно семейный голос, говоривший с ним низким, угрожающим тоном—который, как он надеялся, никогда больше не будет обращен к нему.

-А ты кто такой?"

<http://tl.rulate.ru/book/28530/762056>